

Борис
Власов



ДЕРЕВЕНСКИЕ БУДНИ

Читая стихи Бориса Власова, далеко не сразу пришедшего к полноправному и полноценному общению с собственным поэтическим дарованием, постепенно понимаешь, чем они хороши, какова особенность гармонического строя этих рифмованных строк. Альберт Эйнштейн как-то заметил по другому поводу: «Я – физик и знаю, что каждый предмет отбрасывает тень». Три века блистательной, недостижимо совершенной русской поэзии также отбрасывают печальную тень: варварски-невероятное количество стихов, кошмарно-космически угрожающих современное духовное пространство. И чтобы получить право на собственный голос, на долгое читательское внимание, необходимо совершить подвиг.

К счастью, произведения Бориса Власова, не забывающего о великих русских вершинах, о Пушкине и Лермонтове, «в спокойствии чинном» не подчинились, не попали в плен ни к одному нынешнему стихотворному соблазну, вдребезги расколотившему многие поэтические судьбы. Горькая и бесплодная графоманская доля миновала Бориса Григорьевича. Он всю жизнь придерживался нетускнеющей памяти о пережитом. Причём прошлое и настоящее не подверглись и не подвергаются в стихах нашего поэта ни романтической маскарадности, ни скорбно-байроническому сетованию на несовершенство мира.

Чистосердечным строчкам, подлинным и манящим, как рыбацкий огонёк на берегу ночной сибирской реки, не просто веришь и в авторе доверительно обретаешь не просто хорошего, неизменно преданного друга, но и человека, каждое стихотворное слово которого, взвешенное и обдуманное, покоряет замечательной простотой. Скажу с полной уверенностью, что о несомненном, благородно возмужавшем таланте Бориса Власова весомее всего свидетельствует скромная и трепетная изысканность его поэзии.

Да, «изысканная простота»... Именно так, на мой взгляд, можно говорить о лучших стихотворениях Бориса Власова.

Татьяна ФРОЛОВСКАЯ



* * *

Кошка рядышком с хозяйкой
У подойника сидит.
В ожиданье вкусной пайки
Завороженно глядит

На звенящих о подойник
Струек с пенкой молока.
Две руки, как крыльев двойня,
Тянут вниз два ручейка.

Молоком подойник полон...
Полное ведро в руках –
Пара глаз на лбу коломом –
Благодарность в уголках.

Кошка прытко завертелась
У хозяйюшкиных ног.
Ей давно уже хотелось
Молока. Где мой паёк?

Заурчала, нежно глядясь.
(Миска в нужном уголке).
Вкусноты желанной кладезь
В этом сытном молоке.

* * *

Земля-кормилица зовёт
Вонзить лопату или лемех,
Чтоб с потом выходить свой плод –
Вспахать и бросить в землю семя.

Переворачивая пласт,
Плуг тянет нити за собою.
Земля слежавшийся балласт
Разверзлась тучной бороздою.

Из недр земли струится пар –
Землицы-матушки дыханье.
Свет солнца с неба –божий дар
За ожидание –даянье.

Стекает влажный сок борозд,
Блистая в чёрных тучных комьях.
Зачатый в недрах почвы рост
Родится в страждущей истоме.

Ком терпко пахнувшей земли
В шершавой длани землероба...
Он просит: «Хлеба посули,
Благословенная утроба».

* * *

Для крестьянина земля –
Мать родная.
Вся разбита на поля,
Нету края.

От реки и до дерев
Рожь, пшеница,
С желтым солнцем пожелтев
Колосится.

Наполняются зерном
Все амбары.
Хлеб, как Бог, свят, входит в дом
С пылу с жару.

* * *

На деревне кривотолки
От домов к другим домам,
Сплетни, словно злые волки,
Не дают покоя нам.

Всё судачат и судачат
На крылечках, у ворот.
Обсудить всех – их задача.
Не заткнёшь платочком рот.

Видно, сохнут от безделья,
Не найдя пустых ушей.
Рот их горше чаши зелья,
А язык меча острей.

Сколько же от грязных сплетен
Пострадавших чистых душ?
Будто лупят в спину плетью,
Поливают грязью луж.

Кривотолков нет невинных,
Больно ранит слух пустой.
Вы чужой брехни лавины
Не пускайте на постой!

* * *

Не равняйся с деревнею, город,
Гордой статью высоких домов,
Чьими башнями свод неба вспорот
И разорвана ткань облаков.

Город славится гордой красою,
Но деревня душевней, милей,
Словно девица с длинной косою
В окружении статных парней.

Несравнится с деревнею город,
Вспомни, сам ты рождён от села.
И скрипучий колодезный ворот
Напоит – онемеет скула

От воды ключевой и прохладной.
Собирался к колодцу народ...
Возвеличился ты многократно –
В каждом доме свой водопровод.

Нет уж больше вечерних свиданий
У колодца, задористых встреч;
Нет уж бабьих весёлых компаний
С коромыслами, снятыми с плеч.

Двуконечное коромысло,
Разукрашенный балансир, –
С их пропажей убавилось смысла.
Рай бетонный безроден и сир.

Не гнушайся ты, город, селенья –
На его подаянье стоишь.
Грандиозностью серых строений
Ты просторы полей не затмишь.

Город, к месту ли гонор и гордость?
В ноги Родине поклонись!
И прародины ласковый говор
Вспоминай – и корнями гордись!

* * *

Скотина от жары в воде по брюхо
Лениво отгоняет мошкару.
Палит день солнцем беспощадно, сухо.
Вода скоту – спасение в жару.

Пастух, закрыв глаза картузом,
дремлет
В тени куста с соломинкой в зубах.
Склонили голову пожухло стебли.
Не слышно шороха и пенья птах.

Лишь гнус на солнце
тучкою клубится,
Да над водой порхает стрекоза.
Зверь спрятался в тени,
и скрылась птица
В траве, куда не добралась коса.

Наездник головою на седёлке,
А лошадь вольно щиплет стебельки
И изредка трясёт мохнатой чёлкой,
Устав от надоедливой мошки.

Скотина от жары в воде по пузо,
Чтоб как-то переждать
пришедший зной

И спрятать ноги и бока от гнуса,
Да жажду утолить парной водой.

* * *

Собака оценилась: в конуре –
Три маленьких упитанных комочка,
Есть дело близ живущей детворе –
Нести из дома вкусные кусочки.

Она ни в ком не видела врагов,
Смотрела преданно, хвостом виляла,
Погладить разрешала нам щенков,
Но настороженно косила и молчала.

Поскуливали жалобно щенки
И тыкались мордашками в бок мамы,
И замирали, обхватив соски
Испачканными молоком губами.

Наелись и отваливали спать
Кто на бок, кто на спину,
жмуря глазки,
В спокойствии,
ведь рядом с ними мать –
Хранящая тепло, дарующая ласки.

Песнь скворца захватывает дух,
 Побуждая с тишиной расстаться.
 Как великолепен жизни круг –
 В пёстроте природного богатства!

Славит утро раннее скворец
 От нахлынувшего вдохновенья.
 Солнце в бликах радужных колец
 По двору разносит свет и пеньё.

ТРОПИНКА

Покосившаяся хата
 Возле заводи кудлатой,
 Въётся тропка от ворот
 Через сумрак перелеска,
 Вся истоптана до блеска,
 То зигзаг, то поворот.

Сколько раз по этой тропке
 Я сбегал на берег топкий
 Без обувки, босиком.
 Да какая обувь летом...
 В ней по грязи, по кюветам
 Счастья нет месить пешком.

Ни порезы, ни занозы
 И все прочие угрозы
 Не страшны для детских ног.
 На ушиб лист подорожный
 Прилепил и, заполошный,
 Вновь помчался за порог.

Лишь во след летит зов отчий:
 Ты поел бы, между прочим...
 Ну, какая там еда!
 Хлеб –горбушка со сметаной
 Проглотил и с зорькой ранней –
 По тропинке до пруда

Сквозь кусты и буреломы,
 Мир будя от сонной дрёмы –
 Впереди так много дел!
 Бросить крошек старой галке,
 Накопать червей к рыбалке...
 Улыбнулась мать: «Пострел!»

ЗАБЫТЫЙ ДОМ

Дом забытый,
 больной и заброшенный.
 Смотрит грусть из проёма дверей.
 За оградю двор неухоженный,
 Весь заросший – осот да репей.

Дыры в крыше.
 Сквозь шифер продавленный
 Тихо ветер-гулёна свистит.
 Под карнизом скрипит
 лист проржавленный,
 Дополняя захламленный вид.

Дремлет дом,
 пустотою измученный,
 Лишь за печкой кряхтит домовой.
 Он такой же, как печь,
 болью скрученный...
 С покосившейся чёрной трубой.

Жизнь когда-то струилась кипучая.
 За оградой сад сказочный цвёл.
 Всей семьёй собирались по случаю
 За обеденный праздничный стол.

По двору дети шумной оравю
 Друг за другом неслись, кто вперёд.
 С интересом за детской забавю
 Наблюдал толстый палевый кот.

Изливалась в тиши с переборами,
 Наполняя округу, гармонь.
 И мерцал за оконными шторами
 В непоседливых бликах огонь.

Временами шуршало за печкою.
 Не спалось...

То шалун-домовой
 Исполнял верно волю извечную:
 «Охранять в этом доме покой».

Так прошло не одно поколение.
 Переехали все в города...
 На подворье пришло запустение –
 Не поселишься там на года.

Постарел дом.

Вдруг как-то скукожился –
Дед, согбенный болезнью своей.
Сад завял. За забором размножился
Запустенья подвижник пырей.

Но всё так же шуршится за печкою.
Не растался дом, видно, с душой.
Ходит скрипло по дому со свечкою
Неразлучный с избой домовою.

Без хозяев дома быстро старятся,
В одиночестве стынет твой кров.
Чтоб душе одинокой не маяться,
Не бросайте вы, люди, домов...

* * *

В эхо крикну что-нибудь
В звуках октября.
Осень режет по небу
Облачную рябь.

Ветер водит по воду
Стаи облаков,
Чтоб устроить проводы
В будущий покров,

Напитаться хладною
Чистою водой.
Жизнь оставив стадную,
Слиться меж собой.

В небе тучей чёрною,
Поглоптило свет –
Время года вздорное.
В листьях жёлтый след

Бьётся белым козырем
Снежью октября.
Ветер рвёт по озеру
Облачную рябь.

* * *

Деревьёя сбросили листву.
Увы, не новости.
Перелистал ещё главу
Осенней повести.

Не выпал снег, земля ещё
Пустая, стылая,
И в грудь мою впиалась клещом
Тоска постылая.

Шуршат прохожие листвою...
В душе сумятица.
Хочу я от толпы людской
Куда-то спрятаться.

На голых без листвы стволах
Наросты грязные.
А вместо песни на устах
Слова бессвязные.

Внутри замшелости эскиз –
Наросты совести.
Я закрываю жухлый лист
Осенней повести.

ПЛАЧ ОСЕНИ

Плачут клёны жёлтым листопадом,
Орошая землю в жёлтый цвет –
Это осень бродит где-то рядом,
Оставляя чуть приметный след.

Первый лист, кружась, упал на землю,
Рассмеялся медным пятакон.
Осень красит янтарём деревню,
Золотом покрыло отчий дом.

Плачет осень жёлтыми слезами,
Слёз своих янтарных не таясь –
В этом, осень, только между нами
Появилась тоненькая связь.

Ведь такой же я осенне-нежный.
Обнимаю клёна серый ствол.
Листья в ноги падают неспешно,
Просят с ними поиграть в футбол.

Ветер, листья, мы бежим по кругу,
Соревнуясь, наперегонки.
Мяч пасуем с осенью друг другу –
С ней одной команды игроки.

